

Тор фон Вальдштайн

Народ – двадцать тезисов

Оригинал: Dr. Thor v. Waldstein. Volk – zwanzig Thesen

Источник: <https://sezession.de/64137/volk-zwanzig-thesen>

Перевод с немецкого, 2021 г. На русском языке публикуется впервые!

Основываясь на своей книге «Волшебство своего», доктор Тор фон Вальдштайн опубликовал в 100-м номере Sezession двадцать тезисов о народе. Он представляет людей как естественную и независимую сущность sui generis (единственную в своем роде): народ – это не артефакт. Мы здесь публикуем тезисы фон Вальдштайна в полном объеме.

1. Народ – это метафизическая сила, живое «Мы-Я», возникающее и развивающееся существо, которое – независимо от государства и отдельного человека – имеет изначальное право на жизнь и заявляет независимые претензии на достоинство.

2. Народ – это выросшая, естественно развившаяся целостная личность, которая определяется духом народа (Гердер) и принимает форму «живого, телесного выражения целостной души» (Карл Вольфскель). Именно это духовное бытие и эта духовная сила сопротивления объединяют народ изнутри.

3. В превратностях истории народ может выжить под внешним воздействием, только если он представляет собой политическое единство. Это политическое единство может противостоять стрессам только в том случае, если народ поддерживается в форме синергетическими элементами, с которыми древние греки связывали термин «этнос», а государственные учения Германа Геллера и Карла Шмитта – термин «однородность» («гомогенность»). Его решающая политическая мощь конденсируется – независимо от существенных характеристик, которые подробно будут описаны ниже (см. № 4) – классически в не случайно англосаксонской и совершенно ненаучной формуле: «Это само собой разумеется» (“It goes without saying”).

4. Среди факторов, формирующих бесспорно легко узнаваемый национальный характер, наиболее важными являются общее происхождение, общий язык и общая территория, защищенная границами. Кроме того, идентичность народа также определяется общей, пережитой всем народом исторической судьбой, сходством в религии, культуре, обычаях и мифах, которые здоровый народ сохраняет в национальных памятниках, праздниках, гимнах, героических сагах и народных песнях.

5. Народ – это не хрустальный монолит, а полупроницаемая структура, в которой постоянно – например, через рождение, смерть, иммиграцию и эмиграцию – происходят изменения населения. В результате этих изменений состав народа постоянно меняется. Подобно тому, как, по словам Гераклита, нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так и иностранец, путешествующий по какой-либо стране в разное время, всегда видит по-разному изменившийся народ. Пока субстанция народа не подвергается разрушительному процессу замены населения, пока народ таким образом сохраняет свои основные черты характера, он остается тем же народом, несмотря на изменения, описанные выше.

6. Народ представляет собой не только связь между теми людьми, которые живут здесь и сейчас. Одной из основных характеристик народа является чувство сплоченности и единства, которое охватывает поколения. Свободный народ наделяет умерших, а также еще нерожденных, косвенным правом голоса: народ – это «возвышенное сообщество длинной череды прошлых, ныне живущих и будущих поколений, связанных великим тесным союзом жизни и смерти» (Адам Мюллер). Согласно этому неписаному соглашению, нынешний уклад жизни современников должен гармонизировать как с наследием предков (продолжение их деяний), так и с будущим существованием потомков (сохранение – не только экологических – основ жизни).

7. Вопреки утверждению Федерального конституционного суда этническая концепция народа не была одним из центральных принципов национал-социализма. Главной концепцией национал-социализма была раса, а не народ. Хотя после 1933 года нацистские идеологи продолжали использовать такие слова, как «народ», «народное сообщество», «соплеменник», «народнический» («фёлькиш») и т. д., смысл этих понятий был изменен. Под влиянием расово-биологической концепции они лишились прежнего содержания, а также приобрели черты социального дарвинизма. До самого конца, до последней фразы своего политического завещания 29 апреля 1945 года, в котором он обязывал своего преемника «неукоснительно соблюдать расовые законы», Адольф Гитлер считал себя политиком, «который верил только в расу, и которому в 1945 году судьба немцев была совершенно безразлична» (Гюнтер Машке).

8. Антиномия между народом и индивидуумом, восходящая к эпохе Просвещения и проповедуемая в Германии с 1945 года, является конструкцией, враждебной жизни. На самом деле самоопределившийся народ ни в чем не нуждается более насущно, чем в свободных, независимых и ответственных индивидуумах; а индивидуум, в свою очередь, развивает свою личность, свою индивидуальность именно тем, что он добровольно ставит ее на службу делу, более высокому, чем он сам, на службу делу народа. В синтезированной таким образом народной любви индивид преодолевает свой центробежный «священный эгоизм» (*sacro egoismo*) и, как центростремительно воспринимающее себя

«политическое животное» (*zoon politikon*) находит внутреннее удовлетворение и самореализацию в тесной связи своей жизни со своим собственным народом.

9. Этому мировоззрению соответствует ограниченное (связанное) понятие свободы, при котором взгляд отдельного человека направлен на целое, и в котором на переднем плане стоит не вопрос *свободы от чего* но скорее вопрос *свободы для чего*. В отличие от либеральных взглядов, в которых «высвободившаяся свобода [...] прославляет всеобщий бурный конец всех высших ценностей» (Николай Гартман), идеалистическая идея свободы преодолевает такую броню собственного эго и, таким образом, прокладывает путь к реальной свободе. Ограничение свободы индивидуума, его инстинктов и его воли является «просто условием, делающим возможным освобождение, а общество и государство являются такими состояниями, в которых осуществляется свобода» (Гегель).

10. Народ созревает в нацию, как только он заявляет о своих претензиях на власть, как только он как нация развивает в себе волю к выполнению какой-либо исторической задачи. Как «макроантропос и усиливающийся индивид» (Новалис), нация черпает свою идентичность и силу из тайных мифических источников и из доминирующего в пространстве сознания «Мы», которое гарантирует «самоутверждение и признание» (Бернард Вильмс) по отношению к внешнему миру. Нация не только защищает свою самостоятельность, но и выступает за превосходство этого «Мы». В неповрежденном национальном сознании всегда есть щепотка чрезмерной самоуверенности, которая, если она основана на политическом интеллекте, скорее полезна, нежели вредна.

11. Если с народом связывают в первую очередь определяемое матерью происхождение, то нация, скорее, ассоциируется с будущим, к которому стремится отец. В отличие от исторически часто пассивной роли народа, сущность нации состоит именно в том, что она активно формирует свою судьбу: «Народы переживают историю. Они испытывают ее и страдают от нее, и только благодаря ей они создаются, но нации – это и есть история» (Генрих Йордис фон Лохаузен).

12. Государство – это выражение политической воли народа; оно – «органическое проявление народа» (Савиньи) и «орган нации» (Вильгельм фон Гумбольдт). В отличие от государства – ночного сторожа (Лассаль) либерализма, в котором на первый план выходят только правовые интересы буржуазии и их защита со стороны государства, истинное государство видит себя как народ в состоянии политического единства, т. е. как «некое в себе умиротворенное, территориально в себе замкнутое и непроницаемое для чужих, организованное политическое единство» (Карл Шмитт).

13. Формула государства как «реальности нравственной идеи», придуманная Гегелем, и восходящая к ней с середины девятнадцатого века переоценка идеи государства по отношению к народам и нации были необходимы для того, чтобы освободить Германию от ее роли объекта истории, определенной ее раздробленностью на малые государства, и чтобы в ходе создания империи в 1871 году подтянуться к стандартам суверенных государств, таких как Франция, Великобритания и другие. Это поглощение народа и нации государством, которое было оправдано в определенный исторический момент, уже во времена Кайзеровской империи, но особенно после проигранных войн двадцатого века превратилось в опасное, ибо оторванное от народа, обожествление государства. «Гегелевское государство, как новый Левиафан, угрожает затмить и задушить изначально народные силы, из которых оно выросло». (Эрнст Рудольф Хубер)

14. В федеративной германской республике элементарных частиц, которая не только ничего не хочет знать о народе, но одновременно даже отрицает само его существование, государство превратилось в чудовищный, вездесущий аппарат. Этот аппарат доминирует над отдельным человеком, который почти не защищен или больше не защищен посредническими и примиряющими силами, такими как семья, община и товарищество, в беспрецедентной тотальности.

В последнее время это подчинение гражданина авторитарному государству, скрывающемуся под обличьем хитро продуманной информационно-развлекательной системы, также было визуально задокументировано приказами о ношении масок, которые вредят внешнему виду и достоинству немца. Эта тирания масок может править столь неограниченно, не в последнюю очередь потому, что ей противостоит все более и более стареющее общество, которое пребывает в нарушенном отношении к брэнности человеческой жизни и, кажется, серьезно верит, что его порой странный образ жизни заслуживает своего рода гарантии вечности.

15. Антиутопия Ницше о государстве как о «самом холодном из всех холодных чудовищ», о государстве как о «пожирающем пламени рода человеческого» в наши дни принимает психополитическую форму. После десятилетий государственного контроля над общественным мнением новая немецкая «республика без народа» сейчас движется к прямому контролю над личностью. Как массовый отшельник, управляемый извне СМИ, как бессильный цифровой фетишист, изолированный индивидуум, вынужденный опираться только на самого себя, изначально лишен всякой возможности вместе с другими противостоять фантазиям о всемогуществе государства, «которое глубоко беспокоит всех нас, и в равной мере обманывает нас всех, и обжигает нашу кожу и ставит на ней свое клеймо» (Готфрид Бенн).

16. Это неуклонно растущее подавляющее превосходство государства, лишаящее самостоятельности гражданина и унижающее нацию, могло возникнуть только потому, что немцы ФРГ больше не считают себя народом. Таким образом, первым шагом к разрушению этой непристойно раздутой государственной власти между Нижней Силезией и Восточной Фризией является возвращение к самостоятельности народа. Только когда последний снова разовьет в себе сознание и волю к самоутверждению, волю, достаточную для того, чтобы попытаться остановить механизм рокового устранения народа, есть надежда на то, что удастся поставить спрут государства на место.

17. Восстановление политической способности действовать полностью зависит от болезненного понимания того, что это вряд ли будет работать без отказа от социологического типа буржуа. «Народ Федеративной Республики – это не нация, а буржуазное общество» (Голо Манн), и если не удастся заменить бюргера ФРГ, закостеневшего в своем материализме, тщеславии и самообмане, который не хочет ни служить, ни властвовать, на гражданина (*citoyen*), чувствующего свой долг и ответственность перед нацией и поступающего соответственно, то не стоит и думать о том, что немцы смогут начать все сначала.

18. Кроме того, следует распрощаться с тем злополучным космополитизмом, из-за которого в Германии, стране, разгромленной в двух разрушительных Тридцатилетних войнах (1618–1648 и 1914–1945), заблокирована естественная, чистосердечная, само собой разумеющаяся пристрастность к своему, к собственному, к родному.

Тот, кто подражает иностранцам, как бы далеко он ни зашел, всегда проявляет этим ничтожное тщеславие или собачье рабское чувство. Как мы сами уважаем себя, так и нас будут уважать: в немецкой силе, в немецкой серьезности, в немецком духе и в немецкой верности нам дано казаться великими и благородными [...]. Тот, кто бросает самого себя, будет брошен; народ, которые отчаялся в самом себе, от него впадет в отчаяние и мир, и история навсегда замолчит о нем. (Эрнст Мориц Арндт)

19. Также следует прекратить преодоление прошлого, а вместе с ним и непрерывно подпитываемое и представляющее собой моральную иллюзию псевдопревосходство обученного гражданина ФРГ над его коричневыми предками. Если немцы как народ все еще хотят иметь будущее, тогда это непрерывно проигрываемое историко-политическое-гражданско-религиозное пространство, где распространяются эти звуки, должно быть немедленно отключено. Такой негативный патриотизм, такой абсурдный отрицательный национал-социализм препятствует эмоциональному доступу к своему, к собственному, без чего не может обойтись ни один народ.

20. Основной предпосылкой к возвышению народа является его безоговорочное отождествление с самим собой, со своим собственным происхождением и с будущим своих детей и внуков, которое необходимо обеспечить. Только такой нерушимый этнический фундаментализм, только такая душевная опора «Права или не права моя страна, но это моя страна» (*Right or wrong, my country*) дает шанс для возрождения Германии, которое в бурях грядущих десятилетий также представляет собой единственную надежду на выживание для нашей европейской родины.

Библиотека Велесова Слобода, 2021 г.